

КОГДА я познакомился с ним, когда произошла наша первая встреча? Наверно, в годы моего студенчества, теперь уже кажущиеся за размытой далью времени безоблачными, беззаботными. Он вошел в мою жизнь, переполненную впечатлениями от новых и новых встреч на Моховой, субботников на Ленинских горах, где строилось гигантское здание университета, от вечеринок в общежитии на Стромынке, от вихря экзаменов и зачетов, от первого, робкого чувства и первого, не оставившего зарубки на душе разочарования, — вошел с бодрой песней, которая голосом Бунчикова звучала из круглых черных радиорупоров и с подмостков эстрадных концертов:

У нас в общежитии свадьба,
Лети, наша песня, лети..

Еще обманчиво прекрасным казалось будущее, еще каждый новый день обещал безусловное счастье, еще впереди была целая жизнь — и любовь, и испытания, и час разлуки, а я, казалось, уже давно знал его, повторяя его оправленные в мелодию строки:

Помнишь, мама моя,
Как девчонку чужую
Я привел тебе в дочку,
Тебя не спросил?
Строго глянула ты
На жену молодую
И заплакала вдруг,
Нас поздравить забыв..

Очевидно, дружба наша — меня, читателя, и его, поэта, — уже не прерывалась, хотя я не видел его в лицо и даже не знал еще по фотографиям. И, только что приведя в дом молодую жену, только начав постигать азы нелегкого семейного искусства, в борении с бытом, неурядицами, в счастье и ложном ощущении прочности этого счастья, я почувствовал, как тревожной стрункой что-то надтреснуто отозвалось в душе на строки из песни давнего уже фильма «Простая история»:

На тот большак,
На перекресток,
Уже не надо больше мне
спешить,
Жить без любви,
Быть может, просто,
Но как на свете без любви
прожить?

Он был моим незримым спутником, старшим товарищем, он помогал мне в простых, но наполненных большим эмоциональным и нравственным смыслом жизненных конфликтах узнать себя. И уже потом, много лет спустя, его стихи-песни, трогательные, элегические, всякий раз вызывали широкую волну воспоминаний. «Почему ж ты мне не встретишься, юная, нежная...», «Парней так много холостых, а я люблю женатого...», «Ну что ж сказать, мой старый друг, мы в этом сами виноваты...» — в те далекие годы поэты редко, очень редко обращались к миру любви, и свежая молодая душа, благодарная к немногим, запомнила их навсегда.

Песенная муза Николая Доризо может показаться кому-то камерной. Но это ошибка зрения. Я хочу назвать только стихотворение «Взрослые дочери», которое, став песней, приобрело поистине всенародную любовь и признание. В проникновенном исполнении Ольги Воронец песня вошла в каждый дом, в каждую семью. Это поистине народный эпос, где и драматизм прошедших лет, и боль и горечь утрат, и надежда на будущее...

Нас наша молодость
В годы военные
Долго ждала, ждалась,
Может, поэтому
Очень нам хочется
Видеть счастливыми вас.

«Я сочинил когда-то песню» — так озаглавил поэт один из последних своих сборников, выпущенный Военным издательством в 1980 году. Книга завершается стихами: «Спасибо, песня, что во мне ты зазвучала и что со мной наедине была сначала...». И довольно долго я лю-

Олег МИХАЙЛОВ

«У мысли с чувством кровное родство...»

бил у Николая Доризо именно стихи о любви и стихи-песни. Лишь позднее, расширяя свое представление о мире, бывшем прежде меня — в путешествиях к истокам своей личности и воспоминаниях о тяжелом военном детстве, я оценил по достоинству стихи Доризо о Великой Отечественной, в которой он в отличие от меня — эвакуированного первоклассника, суворовца — принимал непосредственное участие.

Трудовые будни войны в ее ярких и страшных подробностях запечатлены поэтом зримо, надолго. У Познани на бреющем полете поливают пехоту фашистские пулеметы, «и, как вши, под рубахою ползали капли холодного пота». Впечатляющая деталь! Но, что очень характерно для Доризо, такие «низкие» подробности одухотворяются неожиданным поворотом: стихотворение славит могучего союзника солдата — русский всепобеждающий юмор: он сопровождал воина в беде, отступлении, победе и оставил свое звонкое факсимиле на обугленных стенах рейхстага...

В ином — высоком и героическом — ключе написана поэма «О тех, кто брал рейхстаг». Здесь личное, выстраданное сплавляется с мыслями и чувствами победившего народа, красочные картины «последнего боя» сменяются волнующим рассказом очевидца — генерал-полковника Шатилова, командовавшего 150-й стрелковой дивизией, штурмовавшей рейхстаг.

И торжественным, заключительным аккордом поэт возвращает нас к надписям на рейхстаге весной сорок пятого:

Стою у сумрачных колонн,
Огнем омытых.
Звучит сквозь годы гимн имен
На серых плитах.
«Мы из Москвы пришли сюда...»
«Мы из России...»
Фамилии и города
Свои, родные.
Они коснулись древних плит,
Как мощных клавиш,
И, как орган, рейхстаг звучит,
И ты, Германия гранит,
Нас, русских, славишь!

Стихи о войне Доризо писал и под аккомпанемент боя, и с отдаленной дистанции, когда воспоминания, несмотря на боль от оставшегося в груди свища, становятся нежными и светлыми. Переполненные военные поэмы под бомбежкой; детские руки солдатских прачек, вчерашних школьниц, которые смывали «с жесткой солдатской одежды кровавую потную глину большого похода»; новогодний подарок кубанского мальчонки, посланный на фронт; наконец, «главный пост войны» — Мавзолей

Ленина, — из мозаики и отдельных фрагментов складывается лирическая панорама длившегося почти полторы тысячи дней подвига...

Немало военных стихов Николая Доризо посвящено верности — верности солдату и памяти о нем. И, как бы переключаясь со знаменитым симоновским «Жди меня», Доризо в далеком 1944 году создает трагический монолог матери, ждущей погибшего сына: «О мертвом погрусит жена, забудет через год. Им, мертвым, верность не нужна, ведь жизнь свое берет». В согласии с нравственным строем народной жизни (вспомним шевчековское: «Но заплакала дивчина — петь, как прежде, стала, а заплакала родная — в голос зарыдала») поэт превыше всего ставит горе, боль и стойкость матери.

Нет!
Буду я тебя любить
Живым
назло судьбе,
Чтоб этим
право
сохранить
Быть
верною
тебе.

Поэт сильного лирического дарования, Николай Доризо в последние годы все чаще обращается к жанру философской поэзии. Не оставляя любимых тем, где внутренний мир человека, его боли и радости занимают преобладающее место, он стремится проникнуть в пределы тайн бытия, никогда не отдаваясь рассудочности. «Мысль начинается не с мысли. А с чего? С неизъяснимости волнения первичной, с обиды, с гнева, с нежности обычной. У мысли с чувством кровное родство». В этом смысле показательна книга лирики «Пока деревья есть на свете», выпущенная недавно издательством «Современник», которая вместе со сборником стихов «Я сочинил когда-то песню» выдвинута на соискание Государственной премии РСФСР 1981 года.

Читая стихи Доризо последних лет, убеждаешься, как строже, крепче, лаконичнее становится у него слово, как поэтически совмещается чувство с мыслью. Появляются короткие и очень многозначительные стихотворения, стихи-сентенции, где обнаженность мысли не мешает поэтичности, где светлая грусть соседствует с добрым юмором:

Не знаю,
Сколько жить
еще осталось,
Но заявляю вам,
Мои друзья, —
Усталость
Можно отложить
На старость,
Любовь
на старость
Отложить
нельзя.

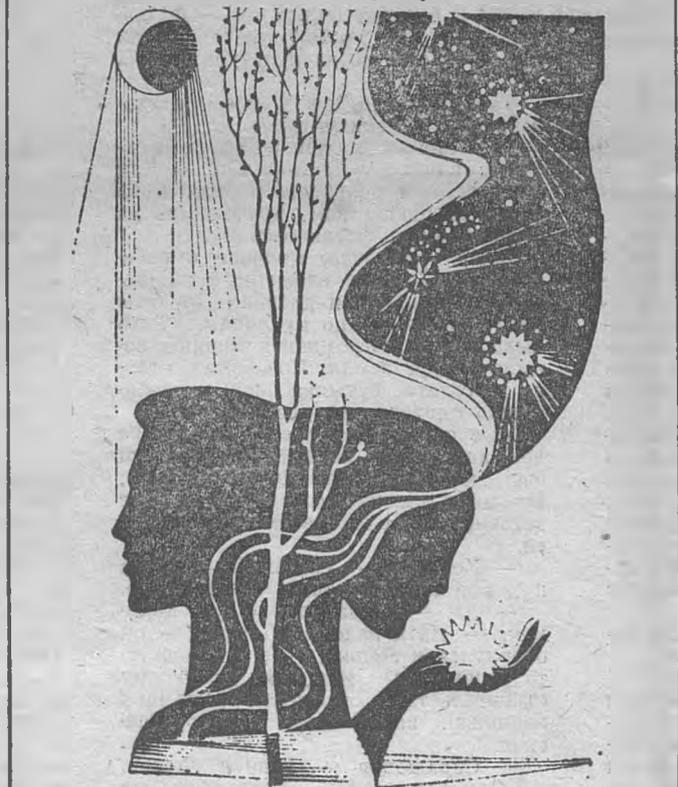
Молодо и свежо звучит лира Николая Доризо. В этом убеждают и стихи о любви, и стихи, посвященные современной Советской Армии, и стихи о далеком и славном прошлом России в книгах последних лет. Это подтверждается и яркими поэтическими циклами, опубликованными недавно на страницах центральных газет, например, подборкой «Дивный сон» в «Советской России». Здесь представлены все грани его дарования, но, быть может, сильнее всего поэт выразил себя в философских, жизнеутверждающих стихах «Агасфер».

Муза Николая Доризо очень жизнерадостна, она не терпит мысли об «избранничестве», о гордом одиночестве «мастера». Ей хорошо и тепло на людях.

Я поэт для читателей,
Не для поэтов,

— со скромным достоинством сказал о себе Николай Доризо. И это так. Сколько читателей, подобно мне, взяли в разные годы слово Доризо себе в спутники в труде, в беде и в радости. Наверно, это и есть признание — прочное, заслуженное признание, пришедшее к поэту, которому весело и счастливо жить и работать — для читателя.

Книжная графика

Из иллюстраций художника Л. БОРЗЫХ к книге Н. Доризо «Меч победы». Воениздат.